

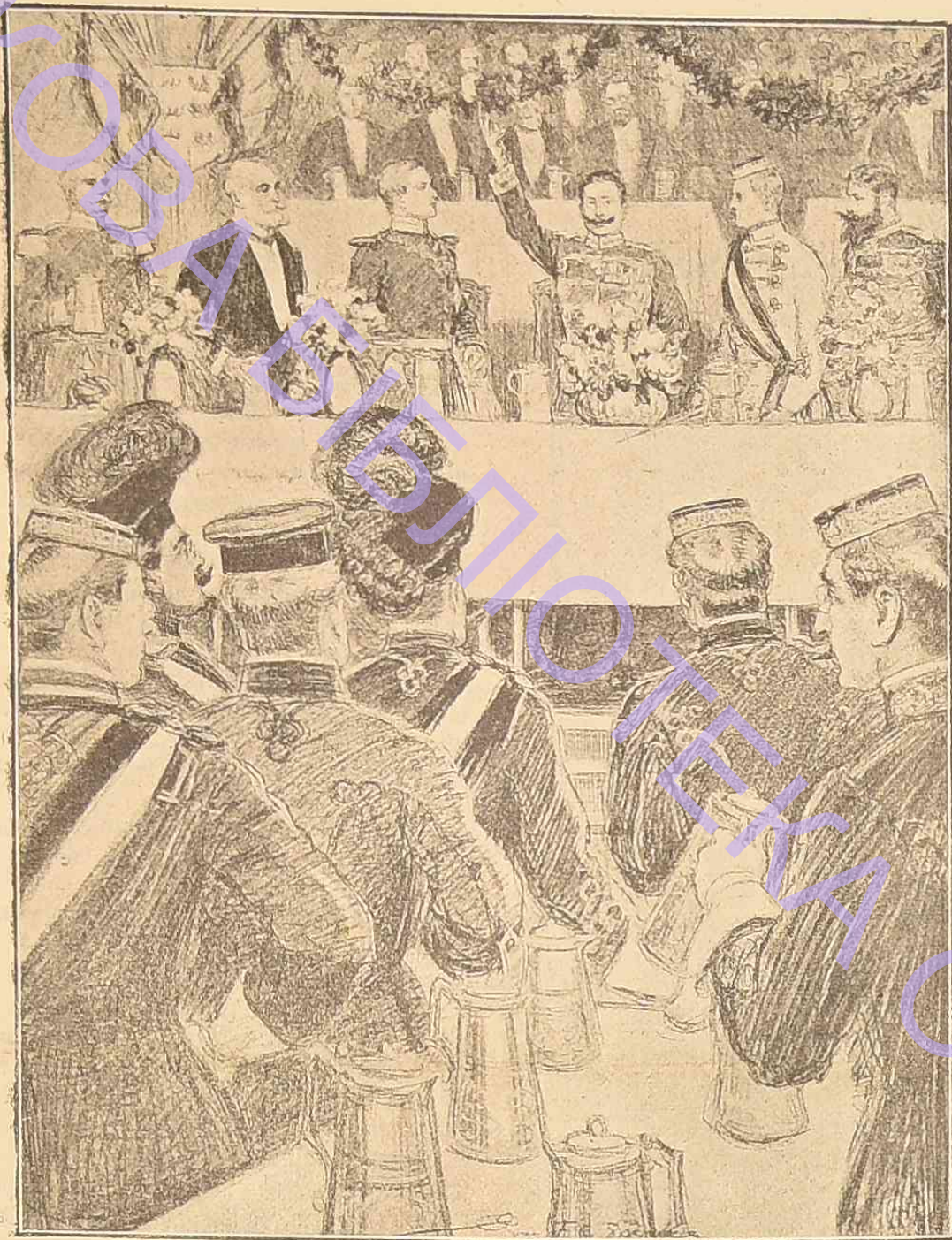
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ
ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5282

Воскресенье, 29-го апрѣля 1901 г.

№ 5282.

Вступленіе германскаго кронпринца въ бонскій университетъ.

Рѣчь германскаго императора къ студентамъ.

память котора, о и такъ своеобразно чу, повторился въ моей жизни?

И да, и вѣтъ...
 „Да“—потому, что Сладодаръ ему, я пз-
 зѣдала новое и прочное счастье. „Вѣтъ“—

особенности своимъ свѣтскимъ, паркетнымъ
 усѣхомъ, и луце всего мнѣ льстило, что
 этотъ баловень дамъ среди блестящаго со-
 звѣдїи пхъ какъ будто отличалъ меня. Да-
 же не „какъ-будто“, онъ вѣдь форменно

Кронпринцъ даетъ письменное обязательство подчиняться университетскимъ правиламъ.

Мой праздникъ.

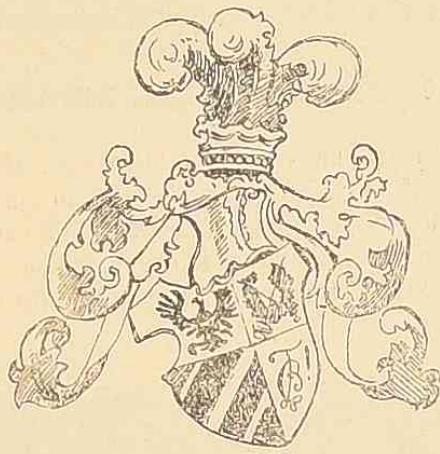

Милая Нина!

Вѣтъ, дорогая, я твоего пригла-
 шенїа на праздники принять не
 могу, хоть и премного благодар-
 на за него, видя въ немъ искренне
 дружеское расположенїе ко мнѣ
 и къ Алексѣю Петровичу. Съ тобой я могу
 откровенно говорить и потому сообщу тебѣ
 истинную причину моего отказа. Нужно
 вѣдь много мужества, даже самоотреченїа,
 чтобы отказаться отъ такого соблазнитель-
 наго, отъ души идущаго приглашенїа,—
 чтобы и на праздники остаться въ этомъ
 душномъ, Богомъ и людьми забытомъ, плѣ-
 сенью и вхомя поросшемъ Н—скѣ... Мнѣ-
 то, выросшей въ шумной столицѣ, такъ
 любящей общество и развлеченїа большого

города,—мнѣ должно
 быть, конечно, осо-
 бенно трудно ужиться
 здѣсь. И послѣ празд-
 никовъ пли до нихъ,
 словомъ—во всякое
 другое время, я-бы не
 задумываясь бросилась
 на-встрѣчу твоему
 приглашенїю, если-
 бы Алексѣй Петро-
 вичъ могъ на время
 оставить службу. Но
 Свѣтлый праздникъ я
 почти рада провести
 въ глуши, вдали отъ
 людей и жизни, съ
 глазу на глазъ съ мо-
 имъ мужемъ. Здѣсь
 мнѣ легче устроить
 себѣ праздникъ такъ,
 какъ я ужъ пять лѣтъ
 привыкла ихъ прово-
 дить и какъ я ихъ
 хотѣла-бы проводить
 всю жизнь... Конечно,
 ты меня не заподоз-
 рить ни въ ханже-
 ствѣ, ни въ квакер-
 ствѣ: простой случай
 въ моей жизни напол-
 нилъ особымъ содер-
 жанїемъ эти дни для
 меня и сдѣлалъ ихъ
 для насъ—меня и
 мужа—своимъ празд-
 никомъ, праздникомъ
 нашей семьи. Я тебѣ
 разскажу его, хотя
 онъ почти на твоихъ
 глазахъ разыгрался,
 въ большомъ обще-
 ствѣ, но никто его не
 замѣтилъ.

Хотѣла-ли бы я,
 чтобы этотъ случай,

Гербъ студенческой корпораціи,
 въ которую кронпринцъ принятъ.

Кронпринцъ-студентъ.

потому, что въ свое
 время онъ меня за-
 ставилъ жестоко стра-
 дать,—потому что онъ
 мнѣ стоилъ жестокаго
 оскорбленїа... Какъ
 я-бы хотѣла, чтобы
 этотъ случай стерся
 глѣбкомъ изъ моей па-
 мяти и, главное, изъ
 памяти моего мужа...
 И какъ-бы я вмѣстѣ
 съ тѣмъ жалѣла, какъ
 несчастливо, можетъ
 быть, сложилась—бы
 моя жизнь, если-бы не
 этотъ случай!

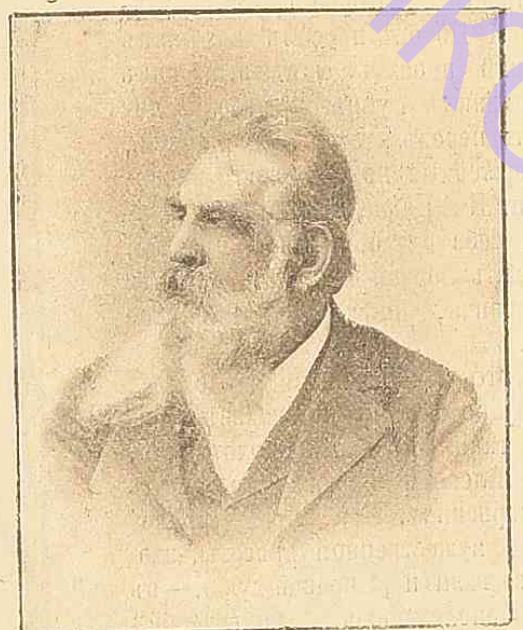
Вѣдь первые два
 года моей брачной жи-
 зни протекли куда какъ
 некрасно. Я создала у
 себя дома настоящїй
 адъ для Алексѣя Петро-
 вича. Я была ка-
 призна, какъ оперная
 призадонна, и, хоть
 и любя его, изъ ка-
 кой-то непонятной
 мнѣ до сихъ поръ гро-
 дости не хотѣла дать
 ему замѣтить мою лю-
 бовь. А онъ... я ду-
 маю, онъ повѣрилъ
 моей шуткѣ, что я вы-
 шла за него на зло
 Павлу Григорьевичу...

Помнишь ты Павла
 Григорьевича? „Павлу
 Горецкаго“, какъ его
 весь городъ звалъ?
 Ты его впрочемъ не
 имѣла случая хорошо
 узнать. Я вѣдь одно
 время была влюблена,
 какъ кошка. Онъ мнѣ
 правился всемъ, въ

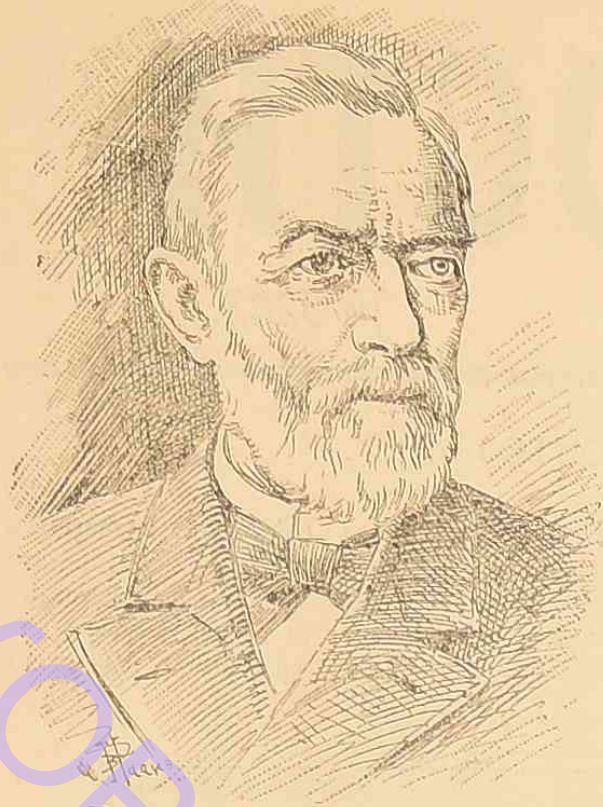
ухаживалъ за мной, и все это видѣли и
 знали. Въ обществѣ даже говорили, какъ о
 рѣшенномъ, о нашемъ бракѣ, и я больше
 повѣрила людямъ, что это рѣшено, чѣмъ
 сама знала—я была согласна на такой
 бракъ,—вотъ только, что я знала. А „онъ“...
 онъ медлилъ предложенїемъ, хотя про-
 зрачными полувмѣками, полупризнанїями
 и давалъ мнѣ понять, что это только во-
 просъ времени. Я бредала Пашей Горец-
 кимъ,—и его не ревновала къ его шутку
 въ обществѣ: напротивъ, я уживалась этимъ
 усѣхомъ, какъ своимъ. Пашу приглашали
 на-расхватъ, потому что не было болѣе
 „интереснаго“, болѣе „полезнаго“ хозяїнѣ
 дома гостя, какъ онъ. Онъ не отличался
 остроумїемъ, да, можетъ быть, и умомъ то
 особенно не блисталъ,—но онъ звалъ все
 „новѣйшіе beaux mots, какъ все новѣйшія
 аріи новѣйшихъ оперъ и оперетокъ и даже
 все новѣйшія шансонетки. Онъ умѣлъ эти

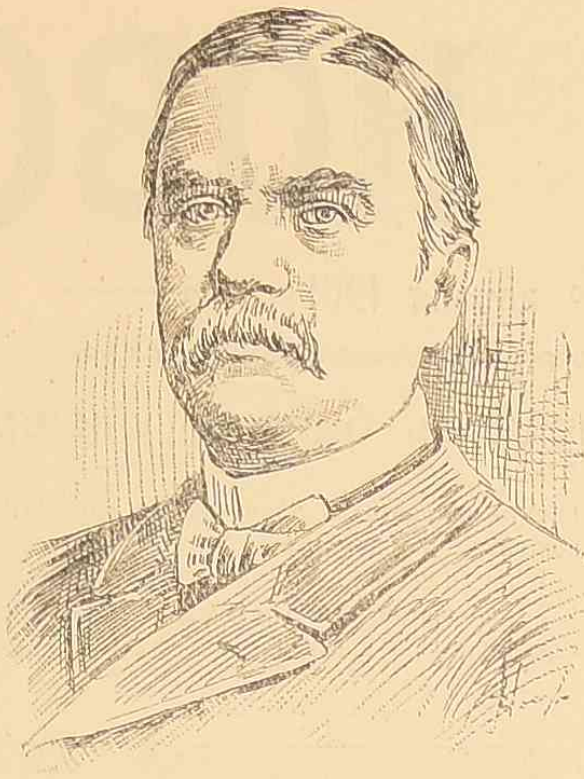
Проф. К. Ф. Воеводскій,
 † 21 апрѣля с. г.

Н. Е. Беккеръ,
 избранный херсонскимъ городскимъ
 головой.
 (Съ фотографїи Л. Рапортна).

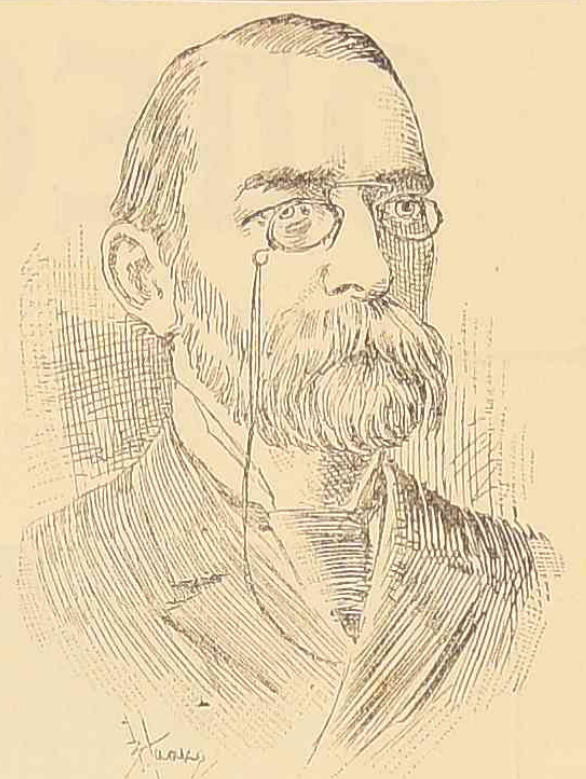
Министръ финансовъ фонъ-Мюкель,
вышедшій въ отставку.

Новый министр финансовъ Рейнбабенъ.

Министръ торговли Брефельдъ,
вышедшій въ отставку.

Новый министр торговли Меллеръ.

МИНИСТЕРСКІЙ КРИЗИСЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

beaux mots во время вставить, — къ чести его скажу, всегда съ ссылкой на автора, но все-же дѣла съ послѣднимъ такимъ образомъ его успѣхъ. Онъ зналъ до мелочей карьеру, интимную жизнь, достоинства и недостатки каждаго изъ итальянскихъ артистовъ и артистокъ еще задолго до открытія сезона и могъ знакомить съ ними общество. Онъ обладалъ небольшимъ театромъ, не лишенымъ пріятности, недурно игралъ на роялѣ и вызывалъ фуроръ цыганскими романсами или французскими шансонетками. Танцевалъ онъ то-же на зависть. Юристъ по диплому, онъ нѣсколько сезоновъ пробылъ и на медицинскомъ факультетѣ. Перебывалъ во всѣхъ „заграничныхъ“ и... ничѣмъ не былъ занятъ, такъ какъ богатые родители давали ему достаточно средствъ для поддержанія свѣтской жизни.

Понятно, что съ такими данными Павелъ Григорьевичъ долженъ былъ сдѣлаться свѣтскимъ львомъ. И неудивительно, что сатованной дѣвочки, какой я была, привлекъ этотъ салонный герой, и что юная головка кружилась отъ счастья, что этотъ герой ее отличалъ между всеми...

Я ужь, право, не смогу тебѣ такъ ясно объяснить, какъ это случилось, что въ одинъ прекрасный день Паша Горенкій пересталъ для меня существовать, и что съ этого дня, побороть, сталъ для меня существовать Алексій Петровичъ. Въ первое время, когда Алексій Петровичъ началъ у насъ бывать, я прямо бѣгала его. Когда я теперь вспоминаю это время, мнѣ кажется, что бѣгала я его не потому, чтобы онъ мнѣ былъ несимпатиченъ, — далеко нѣтъ — мнѣ просто чудилась опасность для Пашы Горенкаго въ его лицѣ... Во мнѣ тлѣло какое-то враждебное чувство къ нему, я какъ будто не сама приталась отъ него, а притала Павла Григорьевича. Хотя въ поведеніи Алексія Петровича не было ничего такого, что могло бы задѣть Пашу, — но вотъ именно это меня и задѣвало: вся молодежь всегда вступала въ борьбу съ нимъ, оскорбляла тѣмъ или инымъ средствомъ его лавры, — а Алексій Петровичъ какъ-будто не замѣчалъ, ни его, ни его лавровъ... Теперь мнѣ смѣшно даже подумать, что мой Леня могъ-бы ревниво относиться къ салонному успѣху Павла Григорьевича... Онъ самъ даже нѣсколько упрямивалъ въ обществѣ Пашу съестъ за роялѣ и пропѣть „Одно прости“, которое ему такъ удавалось. Но онъ просилъ такъ, какъ старшій проситъ младшаго, какъ заставляють „умнаго“ ребенка показывать передъ „тетей“ или „дядей“, твердые номера своего репертуара. И Паша, всегда заставлявший себя въ обществѣ просить, уступалъ первой просьбѣ Алексія Петровича, какъ благоправное дѣло.

И это меня тоже задѣвало...

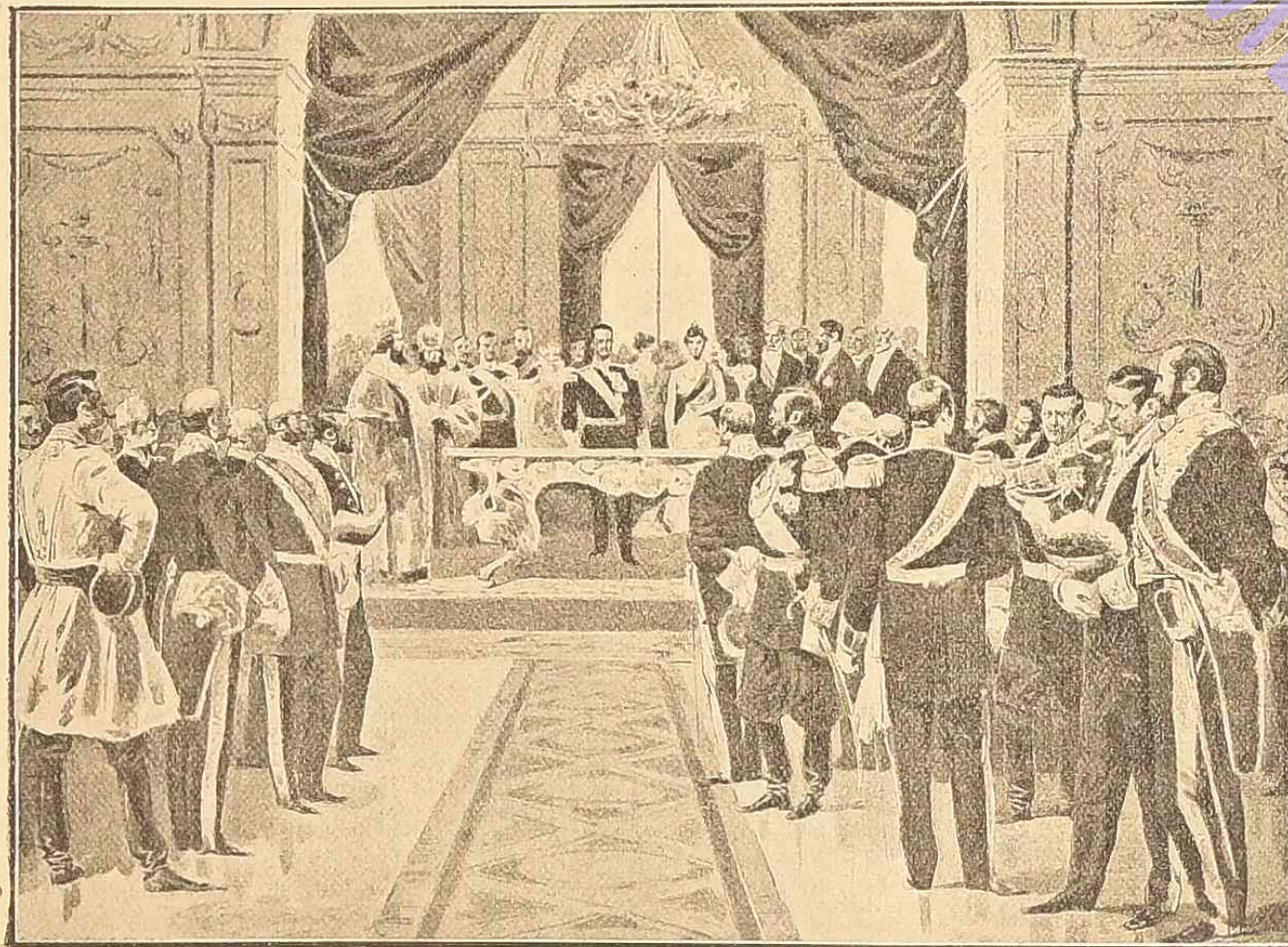
Трудно было-бы на заказъ сочинить такія двѣ противоположности, какъ Алексій Петровичъ и Павелъ Григорьевичъ. Мой Леня — воплощеніе мужественной красоты, здороваго тѣла и здоровой души, — въ противоположность „камышевой“ природѣ Павла Григорьевича. Если-бы Павла Григорьевича какъ-нибудь забыли умыть, причесать,

Зданіе русскаго отдѣла международной выставки въ Глазго.

поборь и завить, если-бы у него не хватало средствъ носить ридинготы отъ Жоржа и башмаки отъ Вирона, и онъ долженъ былъ-бы одѣваться у какого-нибудь „Иванова изъ Парижа“, — онъ, вѣроятно, казался-

бы высохшей, покрытой пылью вѣковъ мушкетеромъ, около которой чихать хочется. А Алексій Петровичъ не прилагалъ никогда много старанія для своего туалета, — но трудно было бы представить себѣ его въ

Провозглашеніе новой конституціи въ Сербіи королемъ Александромъ.

какомъ либо видѣ некрасивѣе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ, и хотя въ его лицѣ не было вымѣренныхъ и вывѣренныхъ чертъ Антиной, онъ все-же производилъ впечатлѣніе красавца. Отъ него дышало здоровьемъ и жизнью, — не лощеной и искусственной жизнью салона, жизнью скользящей по паркету и совершенно безпомощной на улицѣ, а той предприимчивой, активной, вѣчно борющейся, вѣчно „стремящейся“ и создающей жизнью, для которой природа выдумала мужичка. Онъ и веселъ былъ по иному, чѣмъ Павелъ Григорьевичъ, и веселилъ другихъ по иному, и серьезенъ былъ иначе. Въ немъ все было цѣльно и можетъ быть не въ первой пробѣ (пусть другіе судятъ объ этомъ: я какъ жена, можетъ быть, пристрастна слишкомъ), но все безусловно свое. Я всегда боялась его сужденій: они были необыкновенно простые и прямы, и какъ-бы они ни были неожиданны, они въ силу этой простоты и прямоты не допускали возраженій. Предъ этой простотой, предъ этой несложностью его мировоззрѣнія и его сужденій я до слухъ поръ пасую, не умѣя ни увести ее себѣ, ни найти ей слабой стороны.

Родъ цѣлымъ посѣщала нашъ домъ Алексій Петровичъ, почти вездѣ, гдѣ я бывала, я его встрѣчала, но никогда я не замѣчала, чтобы онъ мнѣ удѣлялъ больше вниманія, чѣмъ другимъ, чтобы онъ ужаживалъ за мной и пыталъ какіи-нибудь особые чувства ко мнѣ. Мнѣ тѣмъ легче было это не замѣтить, что я ждала все время со дня на день предложенія Пашы и бѣгала, какъ я уже сказала, Алексія Петровича, составлявшего вѣдь своимъ существованіемъ обиду для взрабника моего сердца...

Можешь себѣ представить, какъ я была поражена, какъ я была ошеломлена, когда въ одинъ прекрасный вечеръ, удививъ минуту, когда Паша по его-же просьбѣ напѣвалъ за роялемъ какую-то новую ариэту, Алексій Петровичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... Если-бы печка, около которой мы стояли, вдругъ завальсировала по комнатамъ, или люстра зашѣла, — я-бы еще была удивлена...

И... я отвѣтила „да“...

Кто знаетъ! Можетъ быть, если-бы я подумала, если-бы я была подготовлена къ этому разговору, если-бы я ждала предложенія, — я-бы иначе отвѣтила на него. Я-бы потомъ, съвѣду тебѣ замѣтить, раскаивалась или имѣла всѣ основанія раскаиваться. Но въ моментъ, когда меня Алексій Петровичъ огорошилъ своимъ предложеніемъ, я не могла отвѣтить: „нѣтъ“, потому что мнѣ въ голову не могло придти, чтобы ему можно было отвѣтить „нѣтъ“... Алексій Петровичъ долженъ былъ знать, что онъ не встрѣтитъ отказа, разъ онъ рѣшился просить о чемъ-нибудь... Алексій Петровичъ обдумалъ прежде, чѣмъ рѣшился „говорить“ и рѣшился за меня, разъ онъ „заговорилъ“.

Ну, словомъ, я какъ-бы была терроризована трезвостью его ума, гипнотизирована его волей...

И чуть я отвѣтила „да“, какъ я почувствовала себя цѣлкомъ его вещью, его принадлежностью... Чувство какой-то особой „надлежности“ овладѣло мной. Въ его объя-

тихъ, за его могучими плечами и спокойнымъ взглядомъ я, какъ въ тихой, хорошо огражденной пристани, была надежно укрыта отъ всѣхъ житейскихъ бурь и тревоженій. Я почувствовала, что Алексѣй Петровичъ, который сталъ для меня съ этой минуты Дѣней, будетъ за меня и думать, и жить, и чувствовать, и мнѣ будетъ отъ этого хорошо... Меня пронизала мысль, что за него я никогда не буду бояться, мнѣ не на кого будетъ досадовать и некого будетъ бѣгать. Онъ передъ всѣми за себя постоитъ, да никому и не придется въ годочу мѣряться съ нимъ...

И вчерашній день, весь мой романъ съ Пашей мнѣ показался игрушкой, ребячествомъ. Я Пашу сразу перестала любить, и въ этотъ моментъ мнѣ даже немного неловко было вспомнить, что я его любила...

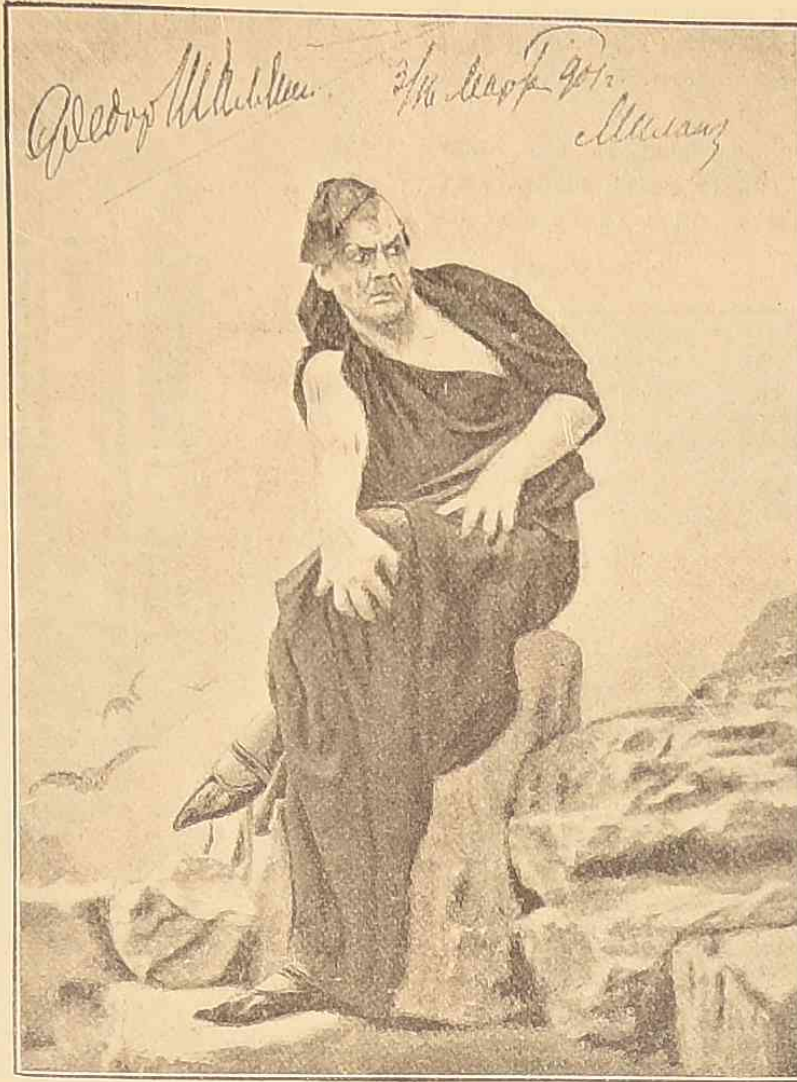
Кругомъ меня, когда узнали о предложеніи Алексѣя Петровича, принятомъ моими родителями и мною, были тоже немало удивлены. Кумушки говорили (а можетъ быть, самъ Паша, несомнѣнно огорченный, создалъ эту версию), что я „на зло“ Пашѣ, медившему своимъ предложеніемъ, пришила руку Алексѣя Петровича, и мнѣ такъ поврѣдилось это объясненіе, что я чуть-чуть сама себя его не усвоила... Я какъ-то, не желая „баловать“ Леню, боясь, чтобы онъ не „зазнался“, я ему дала такое объясненіе, полусерьезно... Онъ принялъ его, какъ шутку,—но я позже, къ своему горю, имѣла случай убѣдиться, что „шутка“ залезла у него глубоко въ душу, если послѣ двухъ лѣтъ онъ мнѣ могъ съ укоризной о ней напомнить...

Мы очень скоро повѣрились. Не прошло и мѣсяца послѣ едѣннаго мнѣ предложенія, какъ я уже была женой Алексѣя Петровича.

И тутъ-то начался тотъ „ахъ“ въ моей

существованіи. Я его любила, безумно любила, обожала. Я старалась угадывать всякое его желаніе—и, дѣйствительно, угадывала ихъ любящимъ сердцемъ... но не затѣяла, чтобы пойти на встрѣчу, а,

стѣе обидѣя занятій мѣнѣ всего къ этому былъ расположенъ, звала его домой отъ гостей, когда онъ какъ-разъ былъ увлеченъ шахматной партіей или интереснымъ разговоромъ... Словомъ, все „на пакость“ дѣ-

В. И. Шалыпинъ въ роли Мефистофеля (въ оперѣ Бойто), на сценѣ миланскаго театра La Scala.

телецъ ко мнѣ даже въ мелочахъ, онъ поступалъ такъ, какъ будто все это такъ и должно было быть, ожидалось имъ и будетъ имъ въ свое время побѣждено. Меня и трогало, и сердило его вниманіе. Моментами онъ мнѣ казался мученикомъ, которому я послала Провидѣніемъ вмѣсто креста и тернового вѣнца. Въ другое время мени задѣвало, что онъ такъ не считаетъ съ моимъ поведеніемъ, не сердится и не злится на меня. Мнѣ казалось, что мнѣ было бы пріятнѣе, если бы онъ меня рѣзко оборвалъ, отчиталъ бы меня, что-ли. Мнѣ кажется и теперь, что я досадовала на себя, что и такъ безъ борьбы, безъ хлопотъ, безъ сопротивленія, безъ стараній ему досталась. Мнѣ мерещилось, что я уронила себя въ его глазахъ, что онъ меня мало цѣнитъ потому, что я пошла на первый его зовъ... И я какъ будто хотѣла, чтобы онъ „теперь“, уже обладая мною, снова завоевалъ меня.

И я боролась съ нимъ и противъ него... Какъ боролась! Вы все въ обществѣ этого не замѣчали, а свои—мои родители—были прямо въ отчаяніи отъ неудавшагося брака ихъ единственной дочери.—Дошло въѣдъ дѣло до того, что папа мой серьезно предлагалъ мнѣ, „если я такъ не люблю Алексѣя Петровича“, разойтись съ нимъ... Это и-то не любила Леню! Я, восторгавшаяся каждымъ его словомъ, каждымъ его движеніемъ, — чтобы я разошлась съ нимъ!!!

Новое орудіе „борьбы“ съ Алексѣемъ Петровичемъ,—борьбы, въ которой я такъ страстно желала быть побѣжденной,—досталось мнѣ въ руки на второмъ году моей брачной жизни. На нашемъ горизонтѣ снова появился Паша Горѣцкій.

Надо тебѣ сознаться, какъ я сама ни относилась провинчески къ своему роману съ нимъ, какъ къ эпизоду дѣтства, все-же мени немного задѣвало, что Паша меня „усту-

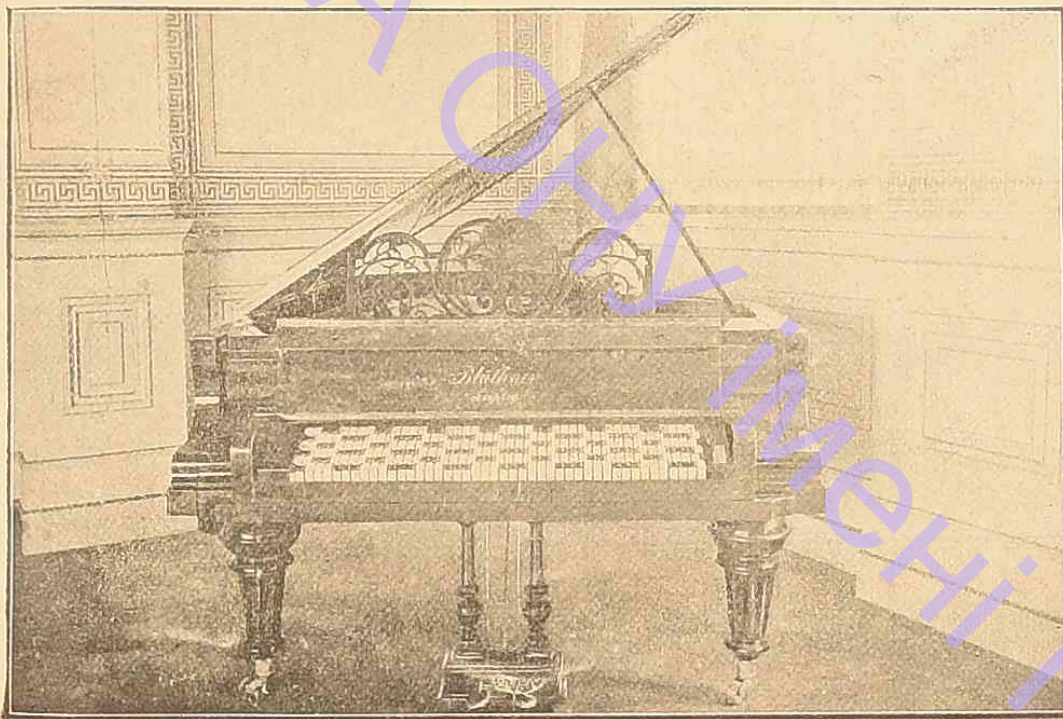

В. Застрабская,

къ предстоящему концерту 5-го мая 1901 г.

душъ и въ моемъ домѣ, который, какъ я тебѣ сказала уже, лился въ теченіе двухъ лѣтъ и отъ котораго меня освободилъ памятный мнѣ на всю жизнь случай.

Меня сильно заколдовали, околдовали или подъ гипнозомъ винушили отравлять Ленѣ

Клавиратура-Янко, на которой г-жа Застрабская будетъ концертировать.

наоборотъ, чтобы поступить наперекоръ. Если Алексѣй Петровичъ хотѣлъ оставаться дома, я сочинила неотложный визитъ. Если онъ предлагалъ куда-нибудь идти,—я не расположена. Возьметъ онъ логу въ театръ на „премьеру“, которую я намѣревалась посѣтить,—у меня объявлялась мигрень. Я не выходила къ столу недѣлями, устраивали вечеринки, когда онъ вслѣд-

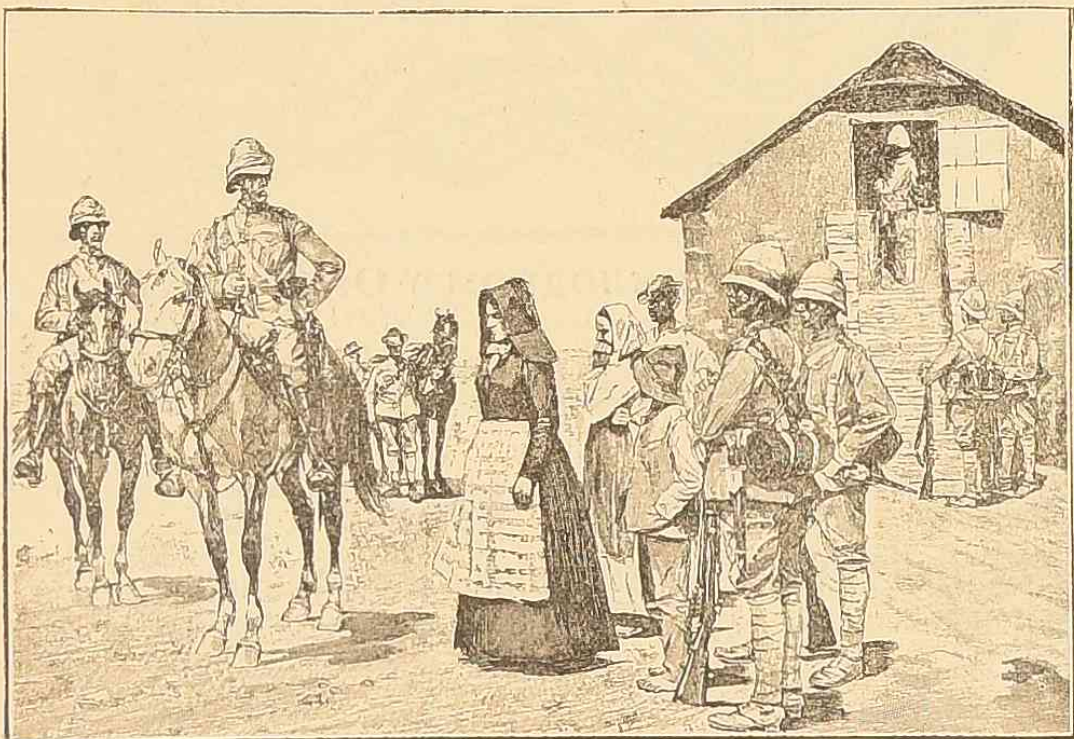
лала, дѣлала любви, дѣлала часто наперекоръ собственной волѣ, подъ диктовку какой-то злой силѣ, которая завладѣла мной. Алексѣй Петровичъ, ты знаешь, вообще не сентиментальная и еще менѣе экспансивная натура. Онъ живетъ „внутренней жизнью“. Всѣ его душевныя движенія—радость, печаль, любовь, ненависть, гнѣвъ—замираютъ тамъ, гдѣ возникаютъ, не проявляя себя какими-нибудь несдержанными, рѣзкими поступками. Мое поведеніе тоже ничѣмъ не взмѣнило его отношеній ко мнѣ: онъ былъ по всегдашнему внима-

Б. Тененбаумъ.

къ сегодняшнему концерту.

пиль“ безъ дальнѣйшихъ околичностей своему конкуренту,—безъ слезъ и сожалѣній, даже безъ упрековъ мнѣ... Я-бы, быть можетъ, истолковала въ свою пользу его внезапный отъѣздъ за границу сейчасъ-же послѣ моей свадьбы, если бы я такъ хорошо не знала истинной причины его: онъ давно стремился туда, но „папа“ не благославлялъ его,—по-просту, не давалъ денегъ на такую поѣздку; а какъ разъ наканунѣ моей свадьбы онъ получилъ большое наслѣдство отъ своей бабушки и могъ

Въ Южной Африкѣ.—Англичане обыскиваютъ бурскую ферму.

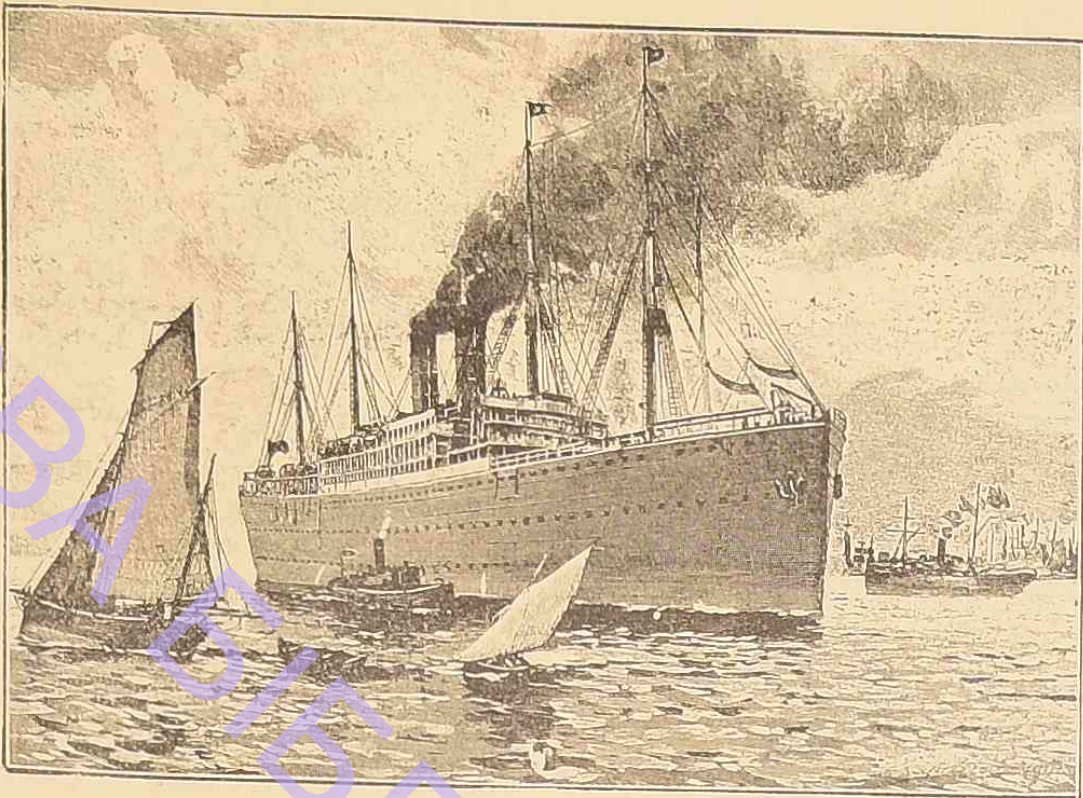
Въ Южной Африкѣ.—Бурскія женщины съ дѣтьми, выгнанныя англичанами изъ ихъ фермы.

исполнить на „собственные“ средства свое желание. Онъ мнѣ самъ объ этомъ съ радостью сообщалъ.

Папа мало измѣнился за годъ пребывания за-границей, только сталъ какъ будто серьезнѣе, а я—я, говорятъ, необыкновенно похорошѣла за это время. Да и онъ мнѣ

самого себя. Онъ выдумывалъ пикники, вечеринки, показывалъ намъ столичные диковинки, водилъ по музеямъ, закармливалъ въ ресторанахъ...

На третій день праздниковъ онъ задумалъ пообѣдать съ гостями за городомъ, благо на этотъ день было назначено от-

Новый англійскій пароходъ-гигантъ „Celtic“, величайшій въ мірѣ: (37.700 тоннъ водоизмѣщенія).

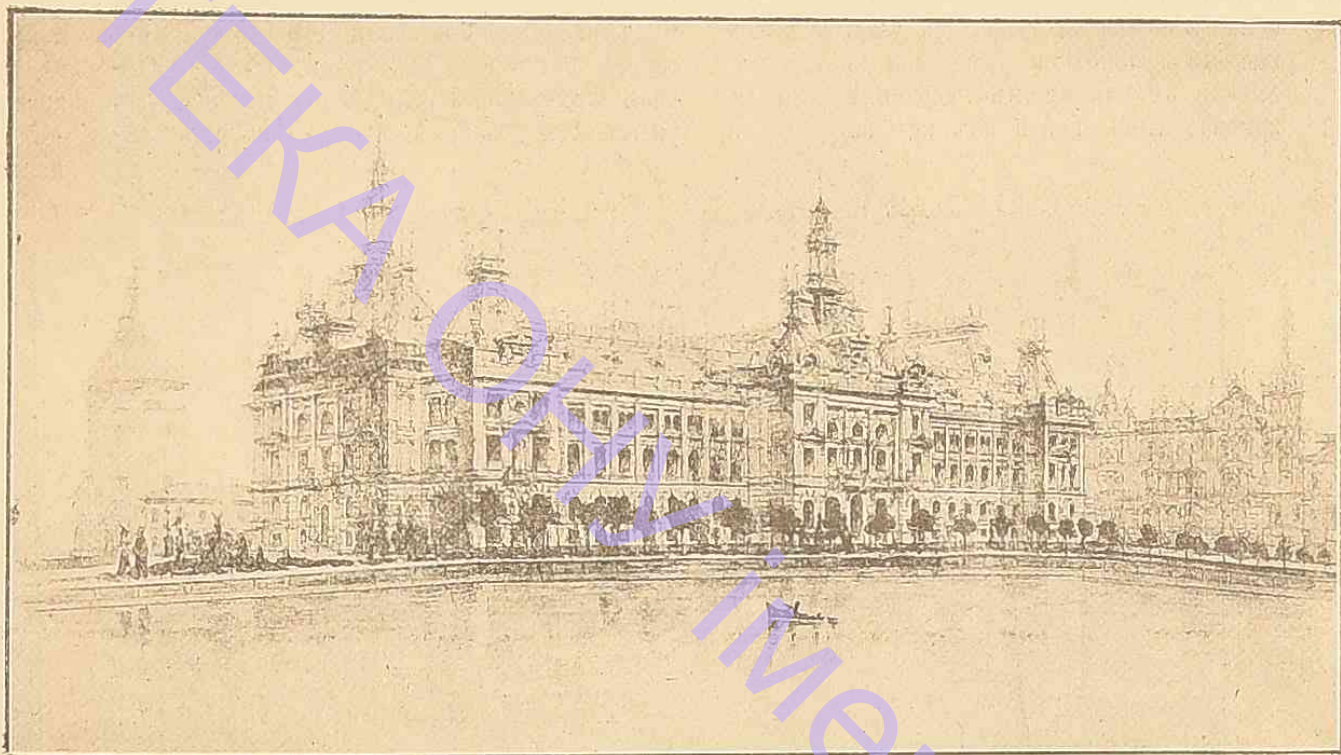
самъ это высказалъ при первомъ визитѣ своемъ у насъ. Лени его встрѣтилъ очень любезно и просилъ бывать у насъ за просто, не ожидая приглашеній — и Павелъ Григорьевичъ зачастилъ къ намъ. Я стала мечтать о двойной мести, а Папа самъ давался въ руки, чтобы служить мнѣ орудіемъ противъ мужа. Онъ началъ форменно ухаживать за мной, и я не могла читать въ его глазахъ, понимать изъ его намековъ глубокое раскаяніе и сожалѣніе объ упущенномъ „счастьи“, какъ онъ самъ говорилъ. Я не отвергала его ухаживаній: помню того, что это льстило женскому самолюбию,—ты женщина и поймешь меня—я находила удовольствіе, мстя Павлу Григорьевичу такимъ образомъ, не отвергая его, но и не подавая никакихъ надеждъ. Я не только не скрывала отъ него распорядка своего слѣдующаго дня, — и нарочно при немъ его составляла и могла быть увѣрена, что задумай я посѣтить картинную выставку, или знакомыхъ, или собраться въ театръ, —ведь я его встрѣчу. Свѣтъ, знаешь, злораденъ, и наши общіе знакомые изъ силъ выбивались, чтобы устроить почаще встрѣчи...

Алексѣй Петровичъ, къ моему горю, никакъ не реагировалъ на частыя посѣщенія и встрѣчи Павла Григорьевича... Напротивъ, часто уѣзжая по дѣлу изъ дому, онъ удерживалъ Пашу остаться „развлечь мою жену“, какъ будто иди навстрѣчу моему желанію, онъ и самъ предупреждалъ иногда Пашу: „мы завтра собираемся на выставку, —не присоединяйтесь-ли вы къ намъ?...“ И все такъ-же опекалъ, такъ же внимателенъ былъ ко мнѣ...

Я пальцы кусала отъ досады...

Такъ подошли памятные мнѣ праздники 19... года. Они обѣщали пройти для насъ необычайно весело и интересно. Погода стояла на рѣдкость славная. Послѣ суровой зимы наступили теплые мягкіе дни необычайно ранней для нашего сѣвера весны. На бульварѣ, за городомъ зеленѣла уже трава; деревья посылали свои первые побѣги. Воздухъ опьянялъ блахуханіемъ распускаящихся почекъ. Все манило къ веселью.

Къ мужу пріѣхали изъ провинціи его братъ и belle soeur. Пріѣхалъ также изъ Кіева его университетскій товарищъ и закадычный другъ Алтуховъ. Лени, вообще радушный и гостеприимный хозяинъ, въ отношеніи такихъ гостей хотѣлъ превзойти

Премированный проектъ зданія городскихъ учреждений для г. Риги одесск. архит. А. Б. Минкуса.

крытіе „Мавританіи“, и Лени хотѣлъ устроить этой премьерой своихъ гостей. Конечно, и Павелъ Григорьевичъ принялъ участіе въ пикникѣ, поѣхали съ нами и Закревскіе и Щеголовитовы, и Петровскіе. Ресторанная обстановка вообще располагаетъ къ излишествамъ,—я поэтому не люблю ресторанныхъ кутежей, а въ этотъ день я особенно не была расположена, благодаря участію въ нашемъ обществѣ Любочки Закревской. Ты знаешь, я не поклонница ея. Я не выношу ни ея шумливости, ни ея эксцентричности. Я не люблю личныя „дѣтскости“, которую она надѣваетъ на себя, позволяя себѣ подъ ней вольности, которая шокируетъ порядочную женщину... Она сидѣла за обѣдомъ рядомъ съ мной и Лени, и тотъ, изрядно уже выпившій, то и дѣло цѣловалъ ея ручки, говорилъ лю-

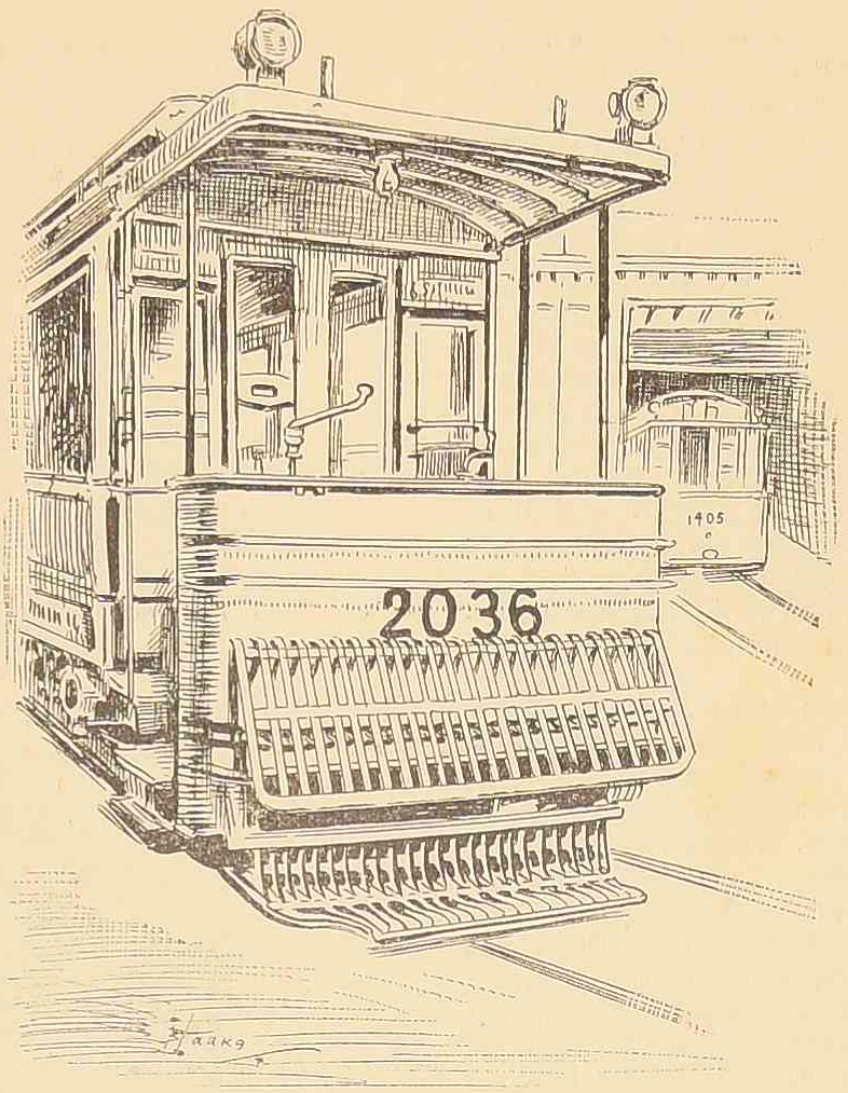
безности и весь, казалось, былъ занятъ ею.

Я не ревновала Алексѣя Петровича къ ней,—Боже меня ушаси! Меня лишь корбила непривычный для меня—подвыпившій Алексѣй Петровичъ и раздражала Любочка. А тутъ еще Папа все время не отставалъ отъ меня, навязываясь своею любезностью и, какъ мнѣ казалось, подчеркивая свой подвигъ, что онъ единственный въ полныхъ чувствахъ въ этой эшофированной компаніи... Онъ даже намекалъ, что съ нимъ мнѣ бояться нечего, что онъ меня защититъ и оградитъ отъ всякихъ случайностей.

Словомъ, я еле досидѣла обѣдъ.

Л. А.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новые вагоны электрическаго трамвая въ Берлинѣ, съ рѣшетками для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ воскресенье, 29 апрѣля 1901 г., на Циклодромѣ О. О. В. Л. Успенская ул., у Александровскаго парка, СОСТОЯТСЯ

БОЛЬШАЯ ВЕЛОСИПЕДНЫЯ ГОНКИ

среди прочихъ № №

Шилингъ—Уточкинъ,

МЮНДНЕРЪ—КЕЛДЕРСЪ, ШОШНИКОВЪ—КУЛИЧЕНКО.

Каждый матчъ въ 3-хъ заѣздахъ. Большой весенній гандикапъ. Гонка 10 верстъ съ моторными лидерами.

Начало гонокъ ровно въ 4 часа. Оркестръ музыки съ 3-хъ часовъ.

Гг. членамъ предъявлять билеты при входѣ.

2108—1